

Максимова Ирина Васильевна

кандидат исторических наук

Волгоградский государственный медицинский университет

**ХУЛИГАНСТВО КАК ЯВЛЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ПОВОЛЖСКОГО ГОРОДА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ САРАТОВСКОЙ ПРЕССЫ)**

В последние десятилетия значительно возрос интерес исследователей к проблемам социальных девиаций и преступности в переломные эпохи российской истории. Период начала XX в., прошедший под знаменем социальных трансформаций, занимает особое место в подобных изысканиях¹. Настоящую статью, которая призвана пролить свет на малоизученную проблему хулиганства в жизни дореволюционного Саратова, следует рассматривать как продолжение серии авторских работ, посвященных городской преступности².

Мы полагаем, что обострение проблемы хулиганства в крупных российских городах, включая Саратов, на фоне общего роста преступности во многом явилось закономерным результатом оборотной стороны модернизационных преобразований, обеспечивших их ускоренный демографический и экономический рост. Рабочие окраины, формирующиеся за счет пришлого населения (мигранты-маргиналы), целесообразно рассматривать в качестве главного дестабилизирующего фактора городской жизни, рассадников криминала и антисанитарии. Наряду с этим остроту проблеме хулиганства в Саратовском Поволжье придавали уходящие в глубь веков традиции «понизовой вольницы». «Дух удалых подвигов былого поволжского казачества и разбойничества времен Разина, Пугачева и пр. героев крупной, средней и малой величины еще жив и не угас в среде этого народа...»³, – отмечал

¹ Историография проблемы городской преступности в дореволюционной России частично представлена в статье: *Максимова И.В.* Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 1 // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2021. Вып. 9, ч. 1. С. 71–73. URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/stories/9_1/sb09_01_04.pdf (дата обращения: 31.03.2022).

² См.: *Максимова И.В.* Указ. соч.; *Ее же.* Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 2 // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2021. Вып. 9, ч. 2. С. 26–41. URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/stories/9_2/sb09_02_03.pdf (дата обращения: 31.03.2022); *Ее же.* «Мы, балканские отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов: сб. науч. трудов. Волгоград, 2018. С. 166–174.

³ См. подробнее: *Бинокль.* Красные кушаки // Волжско-Донской листок. 1900. № 97. С. 2.

один из царицынских журналистов на пороге XX в., спустя десятилетие это наблюдение не утратило своей актуальности.

Основную источниковую базу исследования составляют многоплановые материалы двух местных газет – «Саратовский вестник» и «Саратовский листок» за 1910–1913 гг., размещенные в открытом доступе на платформе Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич⁴. Большая часть из них впервые вводится в научный оборот. Вместе с тем необходимо признать, что при работе с региональной прессой возникли некоторые сложности по систематизации и структурированию материалов, касающихся выбранной темы, поскольку приводившиеся сведения по проблеме хулиганства оказались довольно разрозненными, активизация интереса сменялась месяцами затишья, когда информацию приходилось вычленять буквально по крупицам.

Проведенный содержательно-тематический анализ газетных текстов позволяет условно распределить выявленные материалы между тремя большими группами. Ниже дадим краткую характеристику каждой из них.

I группа – материалы, отражающие официальные меры властей, направленные на борьбу с хулиганством, в том числе в части разработки соответствующей правовой базы. Основным источником общероссийской информации для читателей традиционно служили рубрики «Последняя почта» или «Обзор печати», а также рубрика «Государственная дума», в которой публиковались сведения, полученные от Санкт-Петербургского телеграфного агентства.

II группа – материалы, содержащие информацию о различных хулиганских действиях, произошедших в Саратове и ряде других населенных пунктов, самих хулиганах и их жертвах, а также о понесенных за хулиганство наказаниях. Как правило, данные сведения размещались в постоянной рубрике «Хроника», реже – в эпизодических подрубриках «Из зал(-а/-ы) суда» или «Суд». Среди заголовков, повествующих о нарушении общественного порядка из хулиганских побуждений, выделяются: «Хулиганы», «Хулиганство», «Буяны», «Поранение в драке», «Кровавая расправа» и т. п. После выхода обязательных постановлений о мерах борьбы с хулиганством с конца февраля – начала марта 1913 г. к типичным заголовкам добавились: «За хулиганство», «За буйство», «Протоколы за хулиганство», «Аресты на основании обязательного постановления» и пр.

III группа – материалы, включающие заметки и статьи местных авторов, так или иначе обращавшихся к злободневной и даже модной теме хулиганства. Зачастую подобные публикации являлись реакцией на предпринимаемые официальными властями меры, направленные на решение проблемы хулиганства. Их можно встретить в таких местных рубриках, как «Саратов, дата месяц», «Маленький фельетон» и в некоторых единичных статьях на злобу дня.

Наибольший интерес для нас с учетом обозначенной темы представляют вторая и третья из указанных групп, на которых и будет сосредоточено основное внимание.

⁴ См. подробнее общую характеристику привлекаемых источников, включая анализ специфики работы с материалами прессы: *Максимова И.В.* Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 1. С. 73–74.

К историографии вопроса

Хулиганство традиционно относят к одним из наиболее распространенных преступлений против общественного порядка, имеющих глубинные исторические корни, неотделимые от самих оснований существования асоциального поведения личности и преступности в обществе, а сам феномен хулиганства исследуется на стыке социологии, криминологии, истории, психологии и ряда других наук⁵. При этом социологи и правоведы склонны подчеркивать, что социальная сущность хулиганства проявляется в двух аспектах: как деяние, грубо нарушающее общественный порядок, выражающее явное неуважение к обществу, и как фактор, характеризующий условия совершения других преступлений. В то же время правовая сущность хулиганства выражается в нарушении физическим лицом обязанностей по воздержанию от грубого нарушения общественного порядка, характеризующегося дерзостью и (или) цинизмом, свидетельствующего о явном неуважении к обществу⁶. Природа хулиганства как явления психологического порядка определяется прежде всего мотивами его совершения (хулиганскими побуждениями), которые обладают ярко выраженной спецификой своего формирования и проявления, получая негативную социальную и правовую оценку⁷. То обстоятельство, что с позиции житейской логики мотивы и цели хулиганов зачастую необоснованны, неразумны или бессмысленны, даже позволяет некоторым авторам с определенной долей условности относить хулиганство к немотивированным преступлениям⁸.

Одновременно в большей части современных исторических исследований хулиганство рассматривается как феномен повседневной жизни, в неразрывной взаимосвязи с иными формами девиантного поведения, в первую очередь с пьянством⁹. Проведенный историографический обзор свидетельствует, что имеющиеся работы, связанные с изучением хулиганства, как и в случае исследования преступности в целом, применительно к рассматриваемому периоду по-прежнему малочисленны. Кратко обозначим наиболее показательные из них. Так, в комплексной, культурологической по своему характеру

⁵ Думается, далеко не случайно даже в чисто правоведческих работах, посвященных современному хулиганству, в качестве обязательного компонента присутствует параграф, связанный с рассмотрением исторических аспектов ответственности за хулиганство в законодательной и правоприменительной практике, в том числе в дореволюционный период. См., напр.: *Бозиев Ю.М.* Борьба с хулиганством: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 11–54; *Егоров В.С.* Уголовная ответственность за хулиганство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 11–17; *Сулейманов Р.Г.* Хулиганство: теоретические и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 13–31; и др.

⁶ См.: *Сулейманов Р.Г.* Указ. соч. С. 8.

⁷ См.: *Бозиев Ю.М.* Указ. соч. С. 9.

⁸ См., напр.: *Тюрин П.Т.* Психология хулиганства (нормативность природы и ненормативность души) // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 14–23. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest/2/217.htm> (дата обращения: 31.03.2022).

⁹ См., напр.: *Зоткина Н.А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов – пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; *Шаламова С.А.* Молодежь губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: формы общения и нормы поведения: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010; и др.

монографии В.Н. Шапошникова хулиганы предстают как особый социальный, психологический, субкультурный тип, а хулиганство трактуется в качестве соответствующего ему уровня поведения, получившего распространение в XX в.¹⁰ Современные авторы, ориентируясь на свидетельства очевидцев, полагают, что повышенное внимание проблема хулиганства привлекла к себе после 1905 г. в связи с событиями Первой русской революции, а с 1912 г. это печально известное явление, прежде всего в Санкт-Петербурге, начало носить характер повального бедствия. Вполне логично, что на сегодняшний день именно тема столичного хулиганства начала прошлого века в наибольшей степени освещена на страницах научной и научно-популярной литературы¹¹.

С учетом выбранной темы и источниковой базы отдельно следует выделить статью А.С. Копаева, в которой на материалах церковной публицистики анализируется реакция представителей духовенства на широкое распространение хулиганства. Привлекаемые автором источники свидетельствуют, что одной из основных причин распространения этого пагубного явления стало разрушение многовекового уклада жизни русского человека, русского крестьянина, вследствие чего наиболее слабые духом соблазнились и шли на преступления¹².

Определенный интерес представляет комплексное исследование С.А. Шаламовой в части изучения особенностей отклоняющегося поведения молодежи крупных сибирских городов на рубеже XIX–XX вв. в условиях урбанизации и перехода от традиционного к модернизированному обществу. Диссертант исходит из того, что девиантное поведение во все времена более свойственно подросткам и молодежи и усугубляется в период трансформации устоявшегося строя жизни. Поэтому наблюдаемое, в том числе по материалам региональной периодики, развитие негативных явлений в молодежной среде, включая рост хулиганства, во многом было закономерным¹³. Развивая обозначенные идеи, хотелось бы подчеркнуть, что молодежь в силу пограничности и неопределенности своего социального положения склонна к девиантным и делинквентным формам поведения, особенно в условиях дефицита или отсутствия организованного общения и досуга. Эта тенденция наиболее четко прослеживается в неблагополучной социальной среде. При этом возрастной состав участников и присущая им модель поведения позволяет рассматривать хулиганство в качестве полукриминальной молодежной субкультуры.

Для лучшего понимания сущности хулиганства как социально-исторического явления мы вместе с тем обращались к работам, посвященным периоду 1920-х гг., наиболее полно

¹⁰ См. подробнее: *Шапошников В.Н.* Хулиганы и хулиганство в России: Аспект истории и литературы XX века. М., 2000.

¹¹ См., напр.: *Лурье Л.Я.* Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб., 2011. С. 267–275; *Радощнова Н.В.* «Российские апачи» (несовершеннолетние хулиганы дореволюционного Петербурга) // Свет и тени большого города: правонарушения в городской среде в междисциплинарном изучении: сборник статей. СПб., 2020. С. 86–89; *Рыжов В.* Петербург – город карманников и хулиганов // Arzamas | История культуры в видео, текстах и фотографиях: сайт. URL: <https://arzamas.academy/materials/604> (дата обращения: 31.03.2022); и др.

¹² См. подробнее: *Копаев А.С.* Церковная публицистика о проблемах хулиганства в Российской империи начала XX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 140–146.

¹³ См. об этом главу 2, посвященную неформальным формам общения и нормам поведения молодежи в городской среде: *Шаламова С.А.* Указ. соч. С. 85–143.

представленным в отечественной историографии. Среди сделанных наблюдений и выводов отметим следующие. Так, еще современники писали о необходимости различения между массовым, бытовым, алкогольным хулиганством и злостным, упорным, тяжелым хулиганством, перерастающим в уголовщину¹⁴, полагая, что «...почти каждый уголовный рецидивист в то же время и хулиган, но далеко не каждый хулиган является уголовным рецидивистом»¹⁵. Исследователи также приводили данные, согласно которым в основном хулиганила рабоче-крестьянская молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, преимущественно на почве социальной распушенности, выражающейся в грубой примитивности интересов, в отсутствии культурных запросов и социальной установки, в крайне низком образовательном уровне¹⁶. Сделанные наблюдения для хулиганов 1920-х гг. с некоторой долей условности, по нашему убеждению, применимы и к хулиганам дореволюционной России. Неслучайно большинство современных авторов, изучающих феномен хулиганства в раннесоветский период, склонны проводить параллели с позднеимперским периодом, находя между ними немало общих черт. Например, в подобном ракурсе написана статья И.В. Сидорчука, в которой наряду с раскрытием основной темы, связанной с изучением хулиганства как преступления и одновременно как девиантной досуговой практики в первое десятилетие существования СССР, дается анализ появления и распространения дореволюционного хулиганства с указанием особенностей его последующей трансформации¹⁷. С учетом территориальных рамок исследования некоторый интерес вызывают работы поволжских историков А.А. Гуменюка, И.Н. Камардина, Л.В. Блонского, Т.А. Соловьевой и др.¹⁸ Так, в статье Л.В. Блонского с опорой на архивные данные подчеркивается, что хулиганство в Саратове было развито всегда, временное затишье в период гражданской войны и проводимой политики военного коммунизма в годы НЭПа сменилось резким всплеском, обусловленным как глубинными причинами, так и новыми реалиями советской России (распространением беспризорности и пр.)¹⁹.

В завершение нашего краткого обзора хотелось бы указать на любопытное обстоятельство. Некоторые авторы склонны разделять представителей криминального мира

¹⁴ См. подробнее: Хулиганство и поножовщина: [сборник статей] / [Под ред. Е.К. Краснушкина] [и др.]; Моск. губ. суд и Моск. кабинет по изучению личности преступника и преступности. М., 1927; Хулиганство и хулиганы: сборник / Под ред. и с предисл. В.Н. Толмачева; Госуд. ин-т по изучению преступности и преступника. М., 1929; и др.

¹⁵ См.: Толмачев В.Н. Предисловие // Хулиганство и хулиганы. С. 4.

¹⁶ См., напр.: Эдельштейн А. Опыт изучения современного хулиганства // Хулиганство и поножовщина. С. 75.

¹⁷ См. подробнее: Сидорчук И.В. Хулиганство как преступление и как девиантная форма досуга в СССР 1920-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 1 (25). С. 144–158.

¹⁸ См., напр.: Гуменюк А.А. Повседневная жизнь городов Поволжья в годы НЭПа // Клио. 2007. № 3 (38). С. 83–92; Камардин И.Н. Хулиганство в городах Поволжья в период НЭПа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2 (20). С. 52–57; Соловьева Т.А. Криминальный мир Саратова в 1920–1930-е гг. // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв. Материалы Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Пермь, 2013. Ч. 2. С. 165–171; Блонский Л.В. Криминальные практики в повседневной действительности жителей советского города периода НЭПа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 6. С. 11–14; и др.

¹⁹ См.: Блонский Л.В. Указ. соч. С. 12.

на две различные категории: профессиональных преступников и хулиганов. Для первых незаконная деятельность являлась образом и смыслом жизни, вторые же совершали преступления немотивированно – из озорства или в пьяном виде. Следствием подобных подходов было разное отношение к жертвам: профессиональные преступники считали любое физическое насилие, особенно убийство, делом низким и грязным, а в хулиганской среде, напротив, избить или убить человека воспринималось делом обычным и даже почетным²⁰. Подобное деление, на наш взгляд, оправданно, хотя грань между этими двумя категориями весьма условна.

Экскурс в терминологию

Исследователи до сих пор спорят о происхождении и времени появления в Российской империи слов «хулиган» и «хулиганство», а также о том, какие действия и явления скрывались за ними. Нам импонирует версия об английском происхождении термина «хулиган», восходящая к имени жившего в Лондоне в XVIII в. некоего ирландца Хулли (Holly) и организованным им шайкам (the gang), отличавшимся особым буйством. Членов этих шаек как раз и стали величать хулиганами, то есть членами банды Хулли²¹. Говоря о времени проникновения данных терминов в Россию, мы склонны согласиться с авторитетным мнением П. Люблинского. Автор связывал их появление с изданием в 1892 г. приказа петербургского градоначальника В.В. фон Валя, предписывающего всем органам полиции принять решительные меры борьбы против бесчинствовавших в столице «хулиганов», под которыми тогда разумелись действующие шайки уличных насильников²².

Принято считать, что в конце XIX в. термин «хулиганство» появился в официальных документах, с 1905 года – в печати, а с 1909 – в справочных изданиях²³. В последнем случае речь идет об определении термина «хулиган», данном в малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Хулиган, *англ.*, уличный бродяга, приткий на скандалы и безобразия; тип вырождения низших слоев городск. населения»²⁴. Следует указать, что сами современники весьма вольно могли трактовать термин «хулиганство», а в общественном сознании широкое распространение получила точка зрения, согласно которой «...понятие хулиганство легко поддается и сужению, и растяжению»²⁵. Это было связано с тем, что «...чужеземное слово, сделавшее столь головокружительную карьеру в русском языке, в течение 15–12 лет своей бурной истории не могло отстояться и получить вполне

²⁰ См., напр.: Рыжов В. Указ. соч.

²¹ См. подробнее: Панин С.Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 135, 152.

²² См. подробнее: Люблинский П. Хулиганство и его социально-бытовые корни // Хулиганство и хулиганы. С. 38–62.

²³ Панин С.Е. Указ. соч. С. 135.

²⁴ См.: Хулиган // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона // Викитека: сайт. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/МЭСБЕ/Хулиган> (дата обращения: 31.03.2022).

²⁵ См. подробнее: О борьбе с хулиганством / Обзор печати // Саратовский вестник. 1913. 14 февраля. С. 2.

определенный, точный смысл»²⁶. Поэтому в газетных публикациях мы спокойно можем встретить даже упоминания о «хулиганах искусства»²⁷.

В рамках проводимого исследования важно отметить, что исторические источники фиксируют употребление и ряда других синонимичных терминов для обозначения тех, кого принято именовать хулиганами – «башибузуки», «апаши», «духовые». Если использование двух первых иноязычных слов в российской провинции было продиктовано столичным влиянием и их происхождение легко установимо²⁸, то особый интерес представляет этимология ныне позабытого исконно русского слова «духовые», географически тяготеющего к территории Саратовского Поволжья. Термин «духовые», на наш взгляд, является производным от слова «дух», развитым в одном из своих значений – «нечистая сила, черт», в свою очередь выражение «злой дух» применялось по отношению к очень злому человеку. В «Словаре русских народных говоров» наряду с обозначенной выше трактовкой термина «дух»²⁹ среди значений термина «духовой» читаем: «8. Озорной, бойкий, разбитной, развязный». Чуть ниже содержится указание на то, что в Саратове в 1918 г. сочетание «духовые ребята» было равнозначно «хулиганам»³⁰. В качестве первоисточника данной информации по Саратовской губернии для составителей словаря, вероятнее всего, послужили рукописные работы Б. Зайковской³¹, ссылки на которые содержатся в первом томе издания³².

Сопоставление царицынской и саратовской прессы свидетельствует, что термин «духовые» в рассматриваемый период наибольшее хождение имел в уездном городе Царицыне, прочно войдя в лексикон журналистов даже на несколько лет раньше, чем официальный термин «хулиган»³³. В просмотренных номерах саратовских газет термин «духовые» встречается редко, так же как и термин «апаши»³⁴. Авторы в основном оперировали терминами «хулиган» и «хулиганство». Вместе с тем на страницах периодики достаточно часто используется специфическое саратовское словосочетание – «горные парни» или «горные ребята». Мы полагаем, что изначально таким образом обозначали лишь часть саратовских хулиганов по территориальному признаку, т.е. молодых парней,

²⁶ Петрищев А.Б. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1913. № 1. С. 347.

²⁷ См., напр.: Саратовский листок. 1913. 02 марта. С. 3.

²⁸ См., напр.: Башибузуки // Там же. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/МЭСБЕ/Башибузуки> (дата обращения: 31.03.2022); Апаши // Большая советская энциклопедия (1-е издание) // Там же. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/БСЭ1/Апаши> (дата обращения: 31.03.2022).

²⁹ Словарь русских народных говоров. Вып. 8. М., Л., 1972. С. 275. URL: <http://iling.spb.ru/dictionaries/srng/08.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).

³⁰ Там же. С. 279–280.

³¹ Зайковская Б. Словарик местных слов. 1918. 540 слов. [С географическими пометами и объяснениями значений слов]. № 131/2; *Ее же*. Этнографические материалы. 1918. 18 листочков. [Разного рода заметки, в том числе толкования местных слов]. № 231/3.

³² См.: Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М., Л., 1965. С. 133. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/01.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).

³³ См. подробнее: Максимова И.В. «Мы, балканские отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына. С. 167.

³⁴ Термин «башибузуки» к рассматриваемому времени в Российской империи фактически вышел из употребления.

проживающих на «Горах»³⁵. Правоту данной позиции подтверждает существовавшая в ряде российских городов практика объединения молодых людей в хулиганские группы на основе принадлежности к определенной местности или улице. Например, в Царицыне в рассматриваемый период выделялись дар-горские хулиганы, несколько потеснившие наводивших ранее страх на обывателей «бутырцев» и «балканцев»; в Самаре местные хулиганы – горчичники – могли быть запанскими, дубровными или сокольничьими³⁶.

В справочных изданиях тех лет отмечалось: «С угла Московской и Полицейской открывается хороший вид на окраину часть города, которая называется "Горы"»³⁷. Местность «Горы» относилась к 4-му полицейскому участку и, по подсчетам И.Н. Кокшайского, из городских окраин являлась наиболее тесно заселенной с преобладающей долей рабочего населения (более 60 % от общего числа жителей)³⁸. Далее по тексту, используя материалы судебного дела наборщика К. Шмелева (Серова), мы рассмотрим характерный пример одновременного употребления терминов «горные парни» и «духовые», которые в последующем, наложившись друг на друга, могли преобразоваться в более емкий, упомянутый выше термин – «духовые ребята», ставший синонимом саратовских хулиганов в целом. Необходимо оговориться, что изложенная версия рабочая и нуждается в дальнейшем обосновании, в том числе за счет привлечения более поздних по времени создания источников. Показательно, что на страницах газет словосочетания «горные парни», «... на Горах» и пр. не брались в кавычки, что свидетельствует об устойчивости их употребления и позволяет нам в большинстве случаев этот парный знак препинания также не использовать.

О местных хулиганах и их жертвах

Перед тем как перейти к анализу типичных хулиганских проступков, важно подчеркнуть, что дореволюционное законодательство не предусматривало преступления, которое бы квалифицировалось как «хулиганство», хотя в нем устанавливалась ответственность за конкретные нарушения общественного порядка, совершаемые в конкретных местах. Так, Уголовное уложение 1903 г. предполагало ответственность за такие типично хулиганские действия, как учинение шума, крика или иного бесчинства в публичном месте или в общественном собрании либо в иных местах, но с нарушением общественного спокойствия или порядка. Наказание при указанных условиях усугублялось при учинении

³⁵ Напомним, что Саратов находится в широкой котловине, окруженной горами – грядами Приволжской возвышенности. С северо-востока располагается самая известная из двух десятков основных топографических вершин города – Соколовая гора, вероятнее всего, именно эта природная доминанта в первую очередь повлияла на наименование местности «Горы».

³⁶ См. подробнее: *Максимова И.В.* «Мы, балканские отпеты, кандалы на нас надеты...»: освещение проблемы хулиганства в дореволюционной прессе г. Царицына. С. 170–171; *Алексушин Г.В.* Самарские горчичники. URL: <https://vk.com/@-194864328-samarskie-gorchishniki> (дата обращения: 31.03.2022).

³⁷ См., напр.: *Весь Саратов: адрес-календарь-указ.* Саратов, 1911. С. 55.

³⁸ См.: *Кокшайский И.Н.* Предварительные данные переписи населения г. Саратова и его пригородов, произведенной в 1916 году. Саратов, 1916. С. 10, 16–17.

драки, кулачного боя или иного буйства³⁹. Таким образом, неопределенность юридического статуса хулиганства была чревата неоднозначностью трактовок в определении преступлений хулиганской направленности и степени тяжести налагаемых за них наказаний.

Мы уже отмечали, что современники могли весьма вольно применять новомодные слова «хулиган» и «хулиганство». Иногда было достаточно незначительного проступка, чтобы на человека навесили ярлык хулигана. Например, в заметке «За хулиганство» рассказывалось о бывшем «попечителе» мещанской богадельни, однажды наскандалившего в этом учреждении, а теперь представленного к административному взысканию за бесчинство на улице⁴⁰. Случалась и другая крайность, когда к хулиганам не совсем корректно причисляли профессиональных преступников, чаще всего грабителей⁴¹. В самом упрощенном виде хулиганство, особенно в восприятии чиновников и земских деятелей, представляло собою «...нечто озорное, грубое, не ломающее шапки перед кем следует, дерзкое, ворующее яблоки из чужого сада и проч. Это – мужик, босяк, рабочий и т. д.»⁴². Но, как показывала реальная жизнь, и здесь мы полностью солидарны с автором цитируемой заметки «Председатель в роли хулигана», неким Мишелем, только этим хулиганство не ограничивалось, выходя за рамки указанной социальной среды и приобретая иные, не настолько безобидные формы.

Учитывая возможные разночтения в восприятии исследуемого феномена, ниже приведем наиболее типичные газетные сообщения тех лет. Так, в заметке «Хулиганы» сообщалось о хорошо известных полиции хулиганах Миллере, Тихонове, Ефимове и Волкове, которые занимались только тем, что ходили по трактирам и пивным и били там посуду, мебель и пр. Мировым судьей за свои действия первые двое были присуждены на 10 дней ареста, а двое оставшихся – на две недели ареста каждый⁴³. В другой одноименной заметке читаем, что накануне 19 февраля 1911 г. в чайную Братства св. Креста на Митрофаньевской площади во время совершения вечерней молитвы неожиданно вбежали несколько парней, которые на шумели, разбили фонарь и безнаказанно скрылись⁴⁴. В заметке «Хулиганство» констатировалось, что ночью 20 мая 1913 г. в окно дома Г. Горковенко в Кокуевском переулке хулиганы бросили камень. Хозяин спросонья вообразил, что кто-то стреляет, выбежал на улицу и тоже начал стрелять. Собрались соседи, хулиганы же скрылись⁴⁵. Несколько раньше в заметке «За буйство» была напечатана информация о схожем проступке: студент саратовского университета⁴⁶ В.М. Крищунас был привлечен к ответственности за нарушение общественной тишины и разбитие стекол в доме

³⁹ См. об этом статью 262 главы 12 «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие»: Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: с прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. СПб., 1903. С. 95–96. // Российская государственная библиотека: сайт. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003714958?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 31.03.2022).

⁴⁰ Саратовский листок. 1913. 9 мая. С. 3.

⁴¹ См., напр.: Грабеж // Саратовский вестник. 1912. 17 июля. С. 4.

⁴² Саратовский листок. 1913. 02 марта. С. 3.

⁴³ Саратовский вестник. 1911. 05 февраля. С. 3.

⁴⁴ Там же. 22 февраля. С. 4.

⁴⁵ Саратовский листок. 1913. 22 мая. С. 3.

⁴⁶ Здесь и далее речь идет о студентах Императорского Николаевского университета, который был открыт в Саратове 10 июня 1909 г. Первоначально в составе университета был только один факультет – медицинский.

Кукаева по Большой Сергиевской улице⁴⁷. Два других студента – Рябухин и Б. Колосов – отличились при выходе из ресторана «Аполло», учиня около государственного банка буйство. Увидев городского, они попытались его избить, сорвав с последнего свисток. По итогам рассмотрения дела студентов мировой судья 21 марта 1913 г. приговорил обвиняемых к денежному взысканию по 16 рублей с каждого с заменой в случае несостоятельности арестом на 4 дня⁴⁸. Чуть позже протокол за хулиганство был составлен на Хазизова и Кузьмина, которые, будучи в нетрезвом виде, разбили газетный киоск на углу Московской и Никольской улиц⁴⁹.

В показательной заметке «Из-за гармонии» описывался вполне обыденный случай из местной жизни. В воскресенье, 3-го марта 1913 г., крестьянина Ивана Баскакова, проходившего с гармонией в руках по Астраханской улице, у чайной «Урал» остановила толпа парней и потребовала у него для игры гармонику. Получив отказ, парни набросились на Баскакова и, изорвав гармонику в клочки, начали его избивать. Бывший полицейский стражник Князев попытался вступить за избиваемого, получив за это ножевую рану в щеку. Благодаря вмешательству помощника пристава Верещагина толпа моментально разбежалась. По горячим следам было задержано только двое парней – П. Михеев и В. Варшанов, которые оказались подлежащими в текущем году призыву на военную службу. Спустя время Верещагину удалось разыскать и также привлечь к ответственности на основании обязательного постановления⁵⁰ оставшихся хулиганов⁵¹.

Еще раз напомним, что большое значение в эскалации городского хулиганства традиционно имело употребление алкоголя. Яркими примерами проявления алкогольного хулиганства служат заметки, посвященные различным буйствам и безобразиям. Так, в заметках «Буйство городского» и «Ножевая расправа» рассказывалось о пьяных похождениях городского 6-го полицейского участка В.Е. Немова⁵². В том же номере обеих газет в заметках «Буйство в колокольне» и «Из-за колокольного звона» соответственно речь шла о казаке Астраханского казачьего войска Николае Черницыне. Днем 25 марта 1912 г., в 1-й день Пасхи, на колокольню Богородице-Владимирской (Маминской) церкви влезли несколько звонарей-любителей и стали звонить во все колокола. Казак Черницын, сильно захмелевший после всех пасхальных визитов, забрался на колокольню, также решив позвонить, и начал вырывать веревки от языка большого колокола из рук звонившего крестьянина Е.Я. Славкина. Поскольку присутствующие на колокольне не давали ему звонить, требуя спуститься вниз, рассерженный Черницын обнажил шашку и стал ею размахивать. В ходе ожесточенной борьбы Славкиным было получено шесть ран. На

⁴⁷ Саратовский вестник. 1913. 5 марта. С. 3.

⁴⁸ Саратовский листок. 1913. 22 марта. С. 3.

⁴⁹ Там же. 21 мая. С. 3.

⁵⁰ Тексты обязательных постановлений о хулиганстве мало чем отличались по губерниям, воспрещая бесчинство и озорство под угрозой ареста до 3-х месяцев или штрафа до 500 рублей.

⁵¹ Саратовский вестник. 1913. 5 марта. С. 4.

⁵² См. об этом: *Макимова И.В.* Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 2. С. 32.

тревожные звуки набатного колокола прибежали люди, которым с большим трудом удалось утихомирить разъяренного казака⁵³.

В заметке «Безобразник» сообщалось о навязчивом преследовании с непристойными предложениями пьяным, прилично одетым господином молодой девушки-музыкантши, возвращавшейся по центральным улицам Саратова с работы из кинематографа «Эхо искусства» после 9-ти часов вечера домой⁵⁴. Похожий случай произошел с женой полицейского чиновника, к которой во время прогулки по городскому саду «Липки» пристали торговец Митрофановского базара Аверьянов и М. Чувямшин, настойчиво приглашая ее в дом свиданий. Дама тут же заявила об этом городовым, хулиганы были задержаны⁵⁵.

На несколько газетных номеров растянулась история дебоша студента 4 курса саратовского университета И.В. Ячина, находившегося в состоянии сильного опьянения, возможно наркотического. Вечером 1 марта 1913 г. молодой человек, зайдя в аптекарский магазин Швабауэра за мятными лепешками, на пустом месте принялся скандалить. Когда его вывели на улицу, Ячин кулаками перебил окна магазина. Собралась толпа, к которой скандалист обратился с предложением «разгромить» магазин. Затем он зашел в аптеку, бывшую Фридолин, на углу улиц Ильинской и Большой Кострижной с просьбой перевязать окровавленные руки, но вскоре и здесь закатил скандал. На предложение оставить аптеку и обратиться за помощью в лечебницу Ячин сорвал стойку (прилавок) и попытался перебить аптечные шкафы. На улице, куда его вывели силой, студент начал бить аптечные окна и убеждать собравшуюся толпу разгромить «жидовскую» аптеку. Прибывшая полиция арестовала громилу-студента. После составления протокола он был доставлен в городскую больницу, где продолжил свои буйства, в частности трижды ударив по лицу пытавшегося его остановить швейцара. На следующий день администрация больницы сообщила обо всей этой истории городской управе и ректору университета. От последнего оперативно было принято решение об обсуждении проступка Ячина на ближайшем заседании дисциплинарного университетского суда⁵⁶. Спустя некоторое время в заметке «За хулиганство» среди прочего сообщалось, что на основании обязательного постановления о хулиганстве студент И.В. Ячин был подвергнут штрафу в размере 75 рублей или аресту на две недели⁵⁷.

Особую остроту проблема хулиганства приобретала на окраинах Саратова. Так, в заметке «Подвиги хулиганов» рассказывалось о скоплении подростков-хулиганов, отравляющих существование жителей поселка за железнодорожным мостом, между Лопатинской и Цыганской улицами. Журналист констатировал: «Хулиганы выходят на “работу” вечером, уделяя исключительное внимание женщинам. Последние подвергаются всяческим оскорблениям со стороны дикой банды до физического воздействия включительно. Женщин бьют, насилуют, срывают с них одежды, грабят». «Свободу

⁵³ См.: Саратовский листок. 1912. 29 марта. С. 4; Саратовский вестник. 1912. 29 марта. С. 5.

⁵⁴ Саратовский вестник. 1911. 12 февраля. С. 3.

⁵⁵ Саратовский листок. 1913. 21 мая. С. 3.

⁵⁶ См. подробнее: Буйство студента // Саратовский вестник. 1913. 2 марта. С. 2; К буйству студента // Там же. 3 марта. С. 4; К буйству студента Ячина // Там же. 5 марта. С. 3.

⁵⁷ Там же. 15 марта. С. 3.

действий» хулиганов автор объяснял совершенным отсутствием какой бы то ни было стражи в поселке и полной беспомощностью населения. Его скромный призыв что-нибудь предпринять, чтобы оградить обывателей от насилия, думается, так и остался без ответа⁵⁸. В другой показательной заметке «Хулиганы на дачах» описывалась неблагополучная ситуация, сложившаяся в дачном районе, начиная от Поливановки к Кумысной поляне, где вечером, после захода солнца, небезопасно гулять. Обозреватель информировал читателей, что здесь «...шныряют подозрительные оборванцы, подстерегающие одиноких путников». На днях неизвестным было произведено нападение на торговку, возвращавшуюся через лес домой в Саратов. Женщина, преследуемая грабителем, бросилась бежать, и лишь неожиданное появление пастуха ближайшего села позволило ей спастись⁵⁹.

Следствием незащищенности женской части населения перед нападками хулиганов являлся рост изнасилований, по преимуществу групповых. Например, в заметке «Из суда» сообщалось об итогах рассмотрения окружным судом дела об изнасиловании саратовской 16-летней девицы Панкратовой, теперь вышедшей замуж, 31 мая 1909 г. за кладбищем в городской посадке четырьмя горными парнями: Соловьевым, Бунтовым, Бальде и Лупяниным. Суд приговорил Соловьева на 3 с половиной года, а остальных – на 3 года тюремного заключения⁶⁰.

Необходимо отметить, что распространению хулиганства на рабочих окраинах способствовал менталитет пришлого населения, костяк которого составляли представители крестьянства. Ведь многие вчерашние крестьяне, приезжая в города и становясь рабочими, привносили в городскую культуру характерные для деревни кулачные бои «стенка на стенку». В заметке Звонаря (псевдоним В.Н. Стечкина)⁶¹ с говорящим названием «Обыденное», размещенной в рубрике «Уездная жизнь», приведена любопытная зарисовка к этой неприглядной стороне повседневной жизни: «Дикая потеха кулачных боев, сохранившаяся в полной неприкосновенности от того времени, когда развитие жестоких и воинственных инстинктов вызывалось исторической необходимостью, также невозбранно процветает в Поволжье и теперь, усиливая и укрепляя одичание...»⁶². «Кулачные бои», официально запрещенные властью, проходили, как и во многих других российских городах, на окраинах Саратова (на Вальной улице и пр.). Они были не просто забавой и способом неформального общения молодых людей, а выступали средством самоутверждения с помощью силы, нередко заканчиваясь увечьями и даже убийствами. Поэтому неудивительно, что кровавые столкновения с поножовщиной с малолетства сопровождали жизнь парней с рабочих окраин.

Распространенным способом общения городской молодежи в неформальной обстановке являлась картежная игра, а также различные игры на деньги (например, в «орлянку»). Подобные игры порою заканчивались весьма плачевно, о чем наглядно свидетельствуют газетные материалы. Так, в заметках «Побои и поранение» и «Ножевщина»

⁵⁸ См.: Саратовский вестник. 1910. 17 ноября. С. 3.

⁵⁹ См.: Там же. 1912. 8 июля. С. 4.

⁶⁰ Там же. 1910. 13 января. С. 3.

⁶¹ ФЭБ: ЭНИ «Словарь псевдонимов»: сайт. URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/0.htm> (дата обращения: 31.03.2022).

⁶² Саратовский вестник. 1913. 6 января. С. 4.

соответственно речь шла о происшествии, имевшем место 28-го октября 1912 г. в Глебучевом овраге. К группе играющих в орлянку парней неожиданно подошли из-за угла шестнадцать молодых людей и с криком «Бей их, зачем они играют в орла» набросились на игроков. Последние побежали по направлению к 3-му полицейскому участку, но на лестнице преследующие догнали Васильева, сбили его с ног, а потом один из нападающих ударил парня в бок ножом. Полиции удалось задержать лишь двоих – Д.П. Коломенского и Я.П. Токарева, остальные разбежались⁶³.

Хулиганство, как мы уже могли частично убедиться, нередко выступало отправной точкой для совершения более опасных преступлений, из относительно безобидного озорства при неблагоприятном стечении обстоятельств перерастая в уголовщину. Ниже рассмотрим характерный пример подобной трансформации. В заметках «Убийство на Горах» и «Убийство на Верхнем базаре», размещенных в подрубриках «Суд» и «Из залы суда» соответственно, излагался ход судебного разбирательства по делу наборщика К. Шмелева, состоявшегося накануне в окружном суде с участием присяжных заседателей⁶⁴. По наблюдению журналиста, зал суда был переполнен, основную публику составляли обитатели Верхнего базара и гор; на скамье подсудимых оказался почти мальчик, на вид которому было не более 14–15 лет, а со слов обвиняемого – 21 год. Суть дела сводилась к следующему. 27-го марта 1912 г. в 6 часов вечера пьяная компания в составе трех горных парней – К. Серова (он же Шмелев), Н. Верухина, Г. Панкратова – шли по Мясницкой улице, играя на гармониках. Случайная встреча с компанией молодежи, игравшей в карты, привела к трагедии. Один из картежников, крестьянин А. Кутанов, обратился к подошедшим с вопросом: «Кто из вас духовой?»⁶⁵. Серов-Шмелев на это ответил: «Я духовой!». Тогда Кутанов подошел к ним и, скинув с Верухина шапку, потрепал его по волосам и сказал: «Молод ты духовиться!»⁶⁶. Серов, будучи недоволен поведением Кутанова, попросил его не приставать к ним, на что последний толкнул его в грязь. Почти сразу зачинщика отвлек маленький сын, который, вытащив из отцовского кармана пальто платок, рассыпал деньги. Пока Кутанов, нагнувшись, их собирал, Серов, пребывая в состоянии запальчивости и раздражения, подошел к нему сзади. Выхватив из кармана кинжал, он нанес им своему обидчику три удара в спину, приведших к почти мгновенному летальному исходу. На суде К. Шмелев свою вину не признавал, перекладывая ее на убитого, который сам спровоцировал конфликт без всякого повода, схватив его и Верухина за волосы и толкнув лицом в грязь. Присяжные заседатели признали обвиняемого виновным в нанесении смертельных ран, но без намерения лишить жизни. Учитывая смягчающие обстоятельства, суд приговорил Серова к 2-м с половиной годам арестантских рот.

Хулиган постепенно становился характерной фигурой повседневной жизни крупного российского города, особенно в вечернее и ночное время. Любопытные сатирические зарисовки к социокультурному облику Саратова, уже немыслимому без хулиганов,

⁶³ См.: Саратовский листок. 1912. 30 октября. С. 4; Саратовский вестник. 1912. 30 октября. С. 4.

⁶⁴ См.: Саратовский листок. 1912. 23 мая. С. 3; Саратовский вестник. 1912. 23 мая. С. 3.

⁶⁵ В заметке «Убийство на Горах» в скобках после вопроса давалось уточнение от автора: «горный житель».

⁶⁶ В упомянутой выше работе Б. Зайковской приводилось толкование слова «духовиться» в значении «хвастать»; см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 8. С. 278. Однако мы допускаем мысль, что в заданном контексте слово могло быть употреблено для обозначения занятия хулиганством.

Глебучева оврага с его бедняками, отложились в маленьком фельетоне некоего Диеза «Но то был сон...». Само название заметки говорит о неосуществимости грез автора о якобы постройке железнодорожного моста через Волгу в районе Увека и тех утопических благ, которые он принесет для процветания города, включая следующие:

...И культурный там жить стал теперь человек,
Где ютились когда-то «мандриллы».
Кирпичем иль дубиной не трахнут уж там,
Парни стали кротки как овечки
И почтительно шепчут: «мусье и мадам»,
Позабыв покрупнее словечки.
Тот, кто был хулиган, алкоголик и вор, –
Честный труженик, тихий и скромный.
Где причина культуры саратовских гор? –
Мост чрез Волгу построен казенный!⁶⁷

«Самая модная тема в наши дни – вопрос о хулиганстве...»

В начале XX в. в Российской империи предпринимались меры, направленные на борьбу с хулиганством в связи с резким увеличением числа данных преступлений, несших угрозу личной и имущественной безопасности благонамеренной трудовой части населения. Так, 8-го марта, 15-го и 29-го апреля 1913 г. были проведены заседания Государственной Думы, среди прочего посвященные вопросу о хулиганстве, его причинах и способах борьбы с ним⁶⁸. В 1914 г. на X съезде русской группы Международного союза криминалистов в г. Петрограде обсуждался вопрос об определении понятия хулиганства и внесения соответствующих дополнений в законодательную базу Российской империи. Именно тогда были сформулированы подходы к вопросу о необходимости выделения хулиганства в отдельный состав преступления⁶⁹.

Проблема хулиганствующей молодежи осознавалась как властями, так и общественностью. Далее подробнее остановимся на наиболее показательных публикациях местных авторов. В постоянной рубрике «Саратов» от 20-го февраля, 10-го марта и 1-го мая 1913 г., по сути, излагалось отношение редакции газеты «Саратовский листок» к предпринимаемым в столице мерам, касающимся борьбы с хулиганством⁷⁰. Признавая бесспорную необходимость этой борьбы, редакция высказывала сомнения по поводу

⁶⁷ Саратовский вестник. 1912. 12 августа. С. 5.

⁶⁸ См. об этом: Государственная Дума (От С.-Пет. Телегр. Агентства). Заседание 8 марта. (Окончание) // Саратовский вестник. 1913. 10 марта. С. 3; Государственная Дума (От «С.-Пет. Телегр. Агентства»). Заседание 29 апреля // Там же. 30 апреля. С. 3, 1 мая. С. 2; Государственная дума. Заседание 8-го марта // Саратовский листок. 1913. 10 марта. С. 3; Государственная Дума. Заседание 29-го апреля // Там же. 30 апреля. С. 3.

⁶⁹ См.: Отчет X общего собрания Русской группы Международного союза криминалистов 13–16 февраля 1914 г. в Петрограде. Петроград, 1916. VIII, III, 400 с.

⁷⁰ См.: Борьба с хулиганством / Саратов, 20-го февраля // Саратовский листок. 1913. 20 февр. С. 2; Хулиганство в усмотрение / Саратов, 10-го марта // Там же. 10 марта. С. 4; Хулиганство и репрессии / Саратов, 1-го мая // Там же. 1 мая. С. 2.

целесообразности использования исключительно репрессивных мер, резонно указывая на возможные перегибы при их фактической реализации. Так, с учетом крайне неопределенного и расплывчатого толкования термина «хулиганство», при слишком широком понимании своих прав администрацией и в особенности низшими чинами уездной полиции в число хулиганов можно было записать кого угодно. «...В конце концов, борьба с хулиганством сведется к походу на всякого обывателя, который не сумеет угодить надлежащим образом “господину уряднику”», – предостерегали журналисты, подкрепляя свои опасения примерами полицейского произвола на местах⁷¹. Интересна позиция редакции, занятая по отношению к запросу об обязательных постановлениях по поводу хулиганства, активно обсуждаемому на одном из заседаний Государственной Думы. Они полагали, что настоящий запрос гораздо шире в своей сущности, чем могло показаться с первого взгляда, охватывая всю область обязательных постановлений, разросшихся в своего рода законодательство. При этом построение в Российской империи правового государства необходимо начать с отмены исключительных Положений и заменить их точными нормами постоянного закона⁷².

Говоря о причинах распространения хулиганства, редакция газеты исходила из того, что хулиганство не имеет глубоких корней в самой природе человека, а порождено целым рядом специфических условий русской жизни, из которых первое место принадлежит неразвитости в стране культурных навыков, дающих прочные культурные традиции, и отсутствию прочного правопорядка. В статье «Хулиганство и репрессии» подчеркивалось: «Для того, чтобы правильно подойти к мерам нравственного оздоровления русской среды и, в частности, избавить ее от хулиганства и озорства, прежде всего следовало бы обнаружить те причины, ту благодарную почву, на которой выросло это ядовитое растение, и направить борьбу против причин, а не против одних лишь последствий»⁷³. Авторы заметки верили, что в случае совместного направления усилий власти и общества на действительное превращение России в правовое государство надобность в специальном законодательстве против хулиганства могла отпасть сама собою⁷⁴. В последующем жизнь показала некоторую утопичность этих воззрений, особенно применимо к российской послереволюционной действительности.

В ходе проводимого исследования особый интерес представляет статья «Наброски текущей жизни» местной писательницы О.П. Богдановой, более известной в читательских кругах по фамилии первого мужа как О. Рунова⁷⁵. «Самая модная тема в наши дни – вопрос о хулиганстве», – именно такой хлесткой фразой начинаются авторские зарисовки. Далее читаем: «И, к сожалению, вопрос о хулиганстве не только тема дня, но огромная задача, требующая для своего правильного решения коренных преобразований чуть не во всей жизни...». Черпая свидетельства хулиганских проступков в различных журнальных и газетных

⁷¹ Саратовский листок. 1913. 20 февраля. С. 2.

⁷² См.: Там же. 10 марта. С. 4.

⁷³ Там же. 1 мая. С. 2.

⁷⁴ См.: Там же. 1 мая. С. 2.

⁷⁵ См. о ней: Богданова-Рунова Ольга Павловна // Большая Саратовская Энциклопедия: сайт. URL: <http://saratovregion.ucoz.ru/people/culture/bogdanova-runova.htm> (дата обращения: 31.03.2022).

публикациях⁷⁶, а также ориентируясь на окружающую действительность, обозреватель воссоздал неутешительные картины текущей жизни. Рунова полностью разделяла позицию, согласно которой «личная безопасность у нас отсутствует». Поэтому было бы безумием для женщины одной или даже мужчине одному уйти без оружия за город или ночью отправиться куда-нибудь на окраину. В деревне же среди молодежи развилось страшное озорство, стремление к издевательствам, к порче чужого имущества, к грязной, грубой насмешке⁷⁷.

Несомненная ценность данной статьи заключается в воспроизведении мнений простых людей, почерпнутых О.П. Богдановой в беседах с ними на тему хулиганства. Мещанка, владелица сада в 5-ти верстах от города, печалилась: «Теперь нашими садами ночью не ходи. Бывало в ночь, в полночь иди куда надо. А теперь пристанут, облают, напугают, пожалуй и побьют иной раз. Нарочно с заводов подкарауливают...». На резонный вопрос «Отчего же так стало?» более чем определенно высказался муж женщины: «От слабости...». Мужчина сокрушался: «Ужаси, как слаб стал народ. Мальчишка двенадцати лет, – он уже пьет. Ну и опять нет нигде никакой разгулки... То были чтения народные, опять же представляли в приюте, а нынче только Модерна⁷⁸. Они там наглядятся разного... и сами представляют на этот манер. А главное – водочка. Стала дороже, а пьют ее больше...»⁷⁹. Схожие мысли проскальзывали в разговорах и с двумя другими собеседниками автора. Портной восклицал: «Потому что мало образования, потому и хулиганство. Всем образование надо давать...». Старик-масленщик, переселившийся в Саратов из Кузнецкого уезда, в целом соглашаясь с ним, отмечал немаловажность наличия материальных средств: «Вот, скажем, молодой человек. Ему нужна приличная пиджачная пара, гармония, воротнички. Он без них не может в компании войти. Барышни с ним не танцуют, как оплеванный стоит... Пропьет с горя пятишницу⁸⁰, что отложил на одежду, перебьет окна, а там его уж на это манит, потому – его боятся... Товарищи этикие подбираются». Далее старик добавил: «И не это одно... Водочка многое составляет. А главная вещь, – нету правила...». Завершая статью, Рунова констатировала: «Народ прекрасно понимает причины разрастающегося хулиганства и ясно видит, где средства борьбы с ним: действительная борьба с пьянством, разумные развлечения, доступность образования, смягчение экономического и социального неравенства и “настоящее правило”, которого “решилась Россия”»⁸¹.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что распространение до революции хулиганства в крупных российских городах, включая Саратов, являлось закономерным

⁷⁶ В частности О. Рунова ссылается на работу известного петербургского публициста А.Б. Петрищева, который с 1908 г. вел общественно-политический отдел «Хроника внутренней жизни» журнала «Русское богатство». См. подробнее: *Петрищев А.Б. Указ. соч. С. 324–359.*

⁷⁷ Саратовский листок. 1913. 2 апреля. С. 3.

⁷⁸ Вероятнее всего, имеется в виду кинотеатр «Модерн», построенный в уездном городе Саратовской губернии Вольске в 1904 г. Данное предположение подтверждается тем обстоятельством, что сама О.П. Богданова проживала именно в этом городе. Тем не менее наблюдения владелицы сада и ее мужа вполне применимы к реалиям «столицы Поволжья».

⁷⁹ Там же. С. 3.

⁸⁰ Устаревшее и просторечное обозначение пятирублевки.

⁸¹ Саратовский листок. 1913. 2 апреля. С. 3.

процессом. Такова плата за ускоренный демографический и экономический рост. По нашему убеждению, именно на рассматриваемый период в российской провинции приходится окончательное оформление хулиганства как особого социального явления и полукриминальной молодежной субкультуры. Проведенный анализ местной прессы в целом свидетельствует о негативной роли хулиганства в повседневной жизни горожан, способствующего общему ухудшению криминогенной обстановки в городе. При этом основная масса хулиганских проступков совершалась на улице, зачастую без видимой причины, во хмелю и сопровождалась приставанием к малознакомым или вообще незнакомым людям, а также порчей имущества. Одновременно хулиганство нередко становилось питательной средой для совершения иных, более тяжких преступлений, таких как убийства, грабежи, изнасилования и т. п.